

УДК 903.53

Г.И. Богомолов

*Институт археологии им. Я. Гулямова АН РУз
ул. Академика Абдуллаева, 3, Самарканд, 703051, Республика Узбекистан
факс: (3662) 321290*

КАМЕННАЯ СТЕЛА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ МИНГУРЮКА

В конце I тыс. до н.э. сложившиеся на средней и нижней Сырдарье три культуры (каунчинская, отраро-каратауская и джетыасарская), по сути, относились к единому хозяйственно-культурному типу и имели близкородственную этническую основу. Общими для них были и земледельческо-скотоводческая экономика, и ограниченность денежного обращения, и типы поселений, строительная техника, приемы фортификации, керамические комплексы и погребальная обрядность. Видимо, на базе этих культур сформировалось этнополитическое объединение Кангюй, охватывавшее обширную территорию, включая Южный Казахстан и Северный Узбекистан, и оказывавшее заметное влияние на политическую обстановку в Среднеазиатском регионе. Распад Кангюй в III в. н.э. и выделение самостоятельного Ташкентского владения (Чач) привели к дальнейшей консолидации носителей каунчинской культуры, росту городов, торгово-экономических связей. В немалой степени этому содействовала интенсивная разработка природных ресурсов, добыча золота, серебра, железа, бирюзы, что, в свою очередь, способствовало развитию ремесел и торговли и постепенно выдвинуло Чач в число ведущих культурно-экономических регионов Средней Азии. Однако, несмотря на интенсивные урбанистические процессы, специфика культуры здесь долго определялась сочетанием земледельческих и кочевнических черт.

На облик культуры региона существенное влияние оказали кочевники, пришедшие с востока: в вооружении и керамике наблюдаются признаки, характерные для памятников Тувы и Монголии. Значительные изменения в материальной культуре Чача происходят в VI – VII вв., в период его вхождения в Тюркский каганат. Антропологический материал показывает смешение европеоидного и монголоидного типов, что

отражает постепенное проникновение в Чач тюркских племен и освоение ими в первую очередь предгорных районов. Видимо, в это же время начинает меняться и лингвистическая ситуация: тюркский язык вытесняет иранские. Вместе с тем именно благодаря тюркскому протекторату, дальнейшему развитию торговых и экономических связей, образованию единого рынка товаров, проведению общесреднеазиатских ярмарок вырабатывается единый (под сильным согдийским влиянием) облик материальной культуры. Хотя отдельные элементы каунчинских традиций (особенно в керамике) сохраняются вплоть до XII в.

Таким образом, культура Ташкентского оазиса характеризуется синтезом земледельческой и кочевнической традиций, в ней длительное время сохранялись элементы, отражающие генетические связи с культурой степей.

Бурное строительство конца XIX – XX в. на территории Ташкента, расширение границ городской территории существенно повлияли на сохранность и облик памятников истории и археологии. Многие из них (даже довольно крупные) практически исчезли под современной застройкой. Особенно сильно пострадали мелкие поселения и древние могильники (курганы и наусы), чьи конструкции в виде небольших невысоких земляных холмов были особенно уязвимы. Поэтому некоторые находки, обнаруженные при рытье котлованов, подземных коммуникаций, кажутся неожиданными. Однако их анализ помогает восстановить историческую топографию Ташкента.

Одной из таких находок является небольшая каменная стела в виде прямоугольной плитки в окрестностях городища Мингурюк в г. Ташкенте. Это городище с 605 по 749 г. было столицей региона (в настоящее время оно почти исчезло под современной

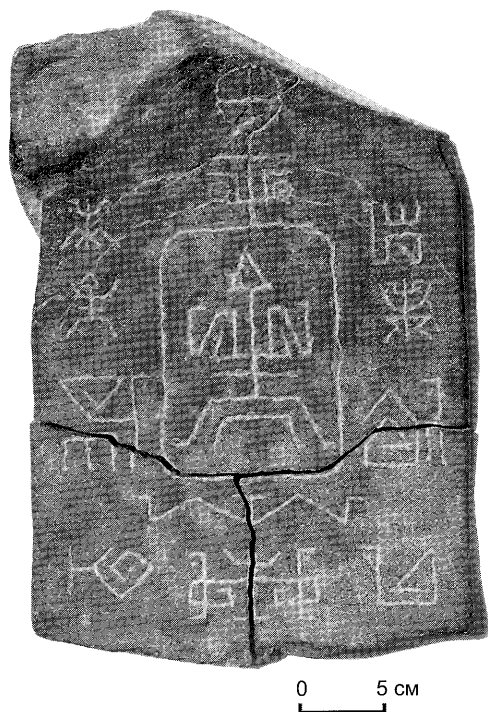

Рис. 1. Каменная стела из окрестностей Мингурюка.

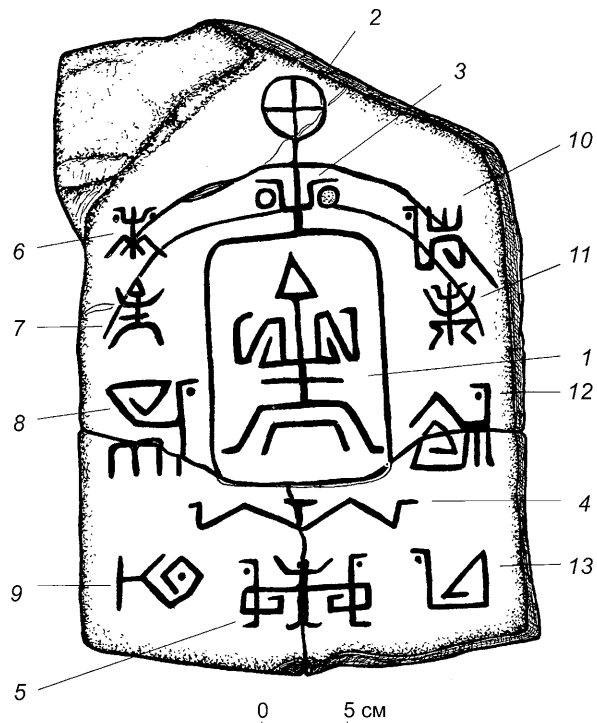

Рис. 2. Прорисовка стелы.

городской застройкой). Однако плита, несмотря на факт ее обнаружения в округе крупного городского центра, является памятником не городской, а кочевой культуры. Она была найдена случайно в 1997 г. во время проведения земляных работ в пришкольном дворе и сохранена благодаря настойчивости и энергии преподавателя истории Л.П. Маркеевой. Сообщение об этой находке поступило исследователям лишь в самом начале 2002 г. Осмотр места ее обнаружения ничего не дал. При строительстве здания школы все неровности микрорельефа были заполнены грунтом и строительным мусором. Стела могла попасть сюда вместе с забором грунта из разрушенной курганной насыпи. Нашедшие плиту сообщают, что она была погребена неглубоко и лежала лицевой стороной вниз. Место, где ее обнаружили, немного возвышено, но является ли оно остатками насыпи кургана, неясно. Другие археологические находки отсутствуют. При извлечении плиты оказалось, что она разбита на три неравных куска. Но изображение на ней практически не пострадало.

Стела представляет собой небольшую каменную плиту с вишнево-сургучной поверхностью. В изломе камень темно-серого цвета, имеет мелкозернистую структуру с горизонтальной слоистостью. Валун естественной плиточной формы немного подрезали, придавая ему очертания прямоугольника. Боковые грани и основание немного скошены к тыльной сто-

роне. Высота плиты 37 см, ширина по основанию 25,5, толщина 4 – 5 см. Края и лицевая сторона немного подтесаны, обратная не обработана, бугристая, и на ней имеются белые пятна известкового налета. Совершенно очевидно, что стела долгое время лежала на поверхности лицевой стороной вниз, хотя первоначально была установлена вертикально.

Лицевая сторона имеет уплощенную поверхность и почти целиком покрыта граффити в виде 13 различных тамгообразных знаков (рис. 1). Все они выполнены выбитой линией шириной и глубиной в 2 – 3 мм. Знаки расположены в виде трех вертикальных столбцов, тем не менее они представляют единую композицию. В крайних столбцах по четыре знака размером 3 – 4,5 см, в среднем – пять, и они значительно крупнее – до 7 – 12 см. Особое место занимает центральный знак среднего столбца (рис. 2, 1). Он заметно больше остальных и заключен в прямоугольник. Знак представляет собой сложную многоэлементную фигуру, вытянутую вертикально (высота 11 см, ширина 8 см). Его основу составляет вертикальная черта, верхний конец которой завершается треугольником вершиной вверх. Ниже она пересечена ломаной линией с поднятыми вверх и направленными к центру концами, еще ниже – короткой прямой горизонтальной линией. Нижний конец вертикальной черты упирается в горизонтальную часть ломаной линии, П-образный контур которой еще раз продублирован под ней.

В целом знак явно передает схематическое изображение мужчины, сидящего на троне (возвышении), с воздетыми вверх на уровне локтей руками (в жесте адорации?), с воинскими атрибутами (меч на поясе, островерхий шлем). Над обрамляющим его прямоугольником (картуш) по одной вертикали выбито два знака. Оба они связаны между собой и намекают на принадлежность к небесной сфере. Верхний знак (рис. 2, 2) как бы венчает всю композицию – это круг с вписанным в него крестом. Обычно исследователи единодушно трактуют его как изображение солнечного диска. Другой знак (рис. 2, 3) представляет собой более сложную фигуру. Вертикальная линия верхним концом соединяется с кругом, нижним – с картушем. В средней части она пересечена ломаной линией горизонтальным уступом вниз. Под концами этой линии выбито по кружку. Внутренняя поверхность одного не тронута (т.е. светлая), а другого забита мелкими точками (т.е. темная?). Этимология знака неясна. Возможно, он обозначает колесницу, которая поднимается вверх и возносит в небесную сферу восседающего на тахте (троне) мужа-воителя. Но скорее всего, два верхних знака, несмотря на свои маленькие размеры, символизируют мировое древо с солнцем над его кроной. Любопытно, что от вершины “древа” и от его средней части отходят две тонкие параллельные линии, полуovalом спускающиеся на знаки соседних столбцов, как бы освещая их светом (или благодатью).

Еще два знака выбиты под картушем, но они не связаны ни с его основанием, ни между собой. Верхний (рис. 2, 4) состоит из двух элементов: горизонтально вытянутой ломаной линии (длина 12 см), концы которой выведены на одну высоту и направлены в противоположные стороны в виде коротких горизонтальных отрезков, и Т-образного элемента ровно посередине ломаной линии. Во многих культурах древнего мира такая ломаная линия символизировала воду или змея, реже она воспринимается как линия горизонта с уступами гор, а Т-образный элемент имеет иконический прототип – простейшие антропоморфные изображения, наделенные сакральными функциями. Кстати, в древнетюркских рунах Т-образный знак, сохраняя связь со своей антропоморфной основой, имел значения “муж”, “мужчина”, “герой”, “богатырь” [Байпаков, Подушкин, 1989, с. 145, 148]. Нижний знак (рис. 2, 5) сложнее, одним из его основных элементов является крупная вытянутая горизонтально валютообразная фигура. Ближе к концам она пересечена двумя линиями в виде квадратных скобок, но направленных концами не вовнутрь фигуры, а наружу. Под верхним концом каждой “скобки” выбита крупная точка. Центр фигуры занимает самостоятельный компонент в виде вертикали, пересеченной в верхней части горизонтальной линией, концы которой под углом под-

нимаются до уровня концов “квадратных скобок” и вертикальной черты. Последняя внизу имеет два коротких горизонтальных отгиба, направленных в противоположные стороны. Прямых аналогов знак не имеет. Не исключено, что он представляет собой другую схематическую трактовку изображения колесницы и колесничего с воздетыми вверх руками. Очень заманчиво было бы видеть в этих двух знаках символы подземного мира, если считать, что фигуры над картушем символизируют верхний мир.

В каждом из крайних столбцов два верхних знака более мелкие, чем два нижние, вместе с тем первые три расположены близко друг к другу, а четвертый значительно отстоит от них и выбит почти у самого основания каменной плиты. В левом столбце верхний знак (рис. 2, 6) состоит из нескольких элементов. Основообразующей является вертикальная черта, верхняя часть которой пересечена ломаной линией горизонтальным уступом вниз (аналогична знаку над картушем), нижняя – элементом, образованным пересечением двух углов вершинами вверх. Вполне вероятно, что этот знак является схематическим изображением человека с поднятыми вверх руками. Прямые аналоги не известны, хотя отчасти знак напоминает тамгу на медных монетах VIII в. из района Пайкента [Смирнова, 1981, с. 77, рис. 36, 37].

Следующий знак (рис. 2, 7) явно представляет собой схематическое изображение воина в островерхом шлеме. Типологически он близок к центральной фигуре, но более упрощен. Руки переданы простой горизонтальной чертой, концы которой загнуты под углом вверх, кроме того, в основании фигуры отсутствует П-образный элемент (тахт). Схожие схематические изображения или тамгообразные знаки известны среди петроглифов Северной Монголии и Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1969, с. 92, 128, табл. 108, 3], причем нередко голова передана простой чертой или маленьким треугольничком (рис. 3, 1 – 3). Близкие изображения людей зафиксированы на каменных плитах курганных оградок и склепов тагарского времени около оз. Шира в Туве (рис. 4, 4). Все они выбиты в пунктирной технике каким-то острым орудием [Рыгдылон, 1959, с. 201, табл. III, VI – IX]. Среди них есть и изображения воинов с мечом на поясе [Там же, табл. VI, рис. 1, 7 – 8]. Довольно близка к этому знаку династийная тамга тухуского правящего рода на раннесредневековых монетах с городища Ак-Бешим в Чуйской долине [Смирнова, 1981, с. 60, рис. 35, 4]. Основное отличие состоит в трактовке головы, которая передана простой чертой, тогда как в нашем случае – маленьким треугольником. Обнаруживается сходство и с одной из тамг кочевников племени или местности Ань-му-лу-джен, только она не имеет треугольного навершия и поперечной черты [Зуев, 1960, с. 101, 132], а также с тамгой эфталитов-алхонов [Иль-

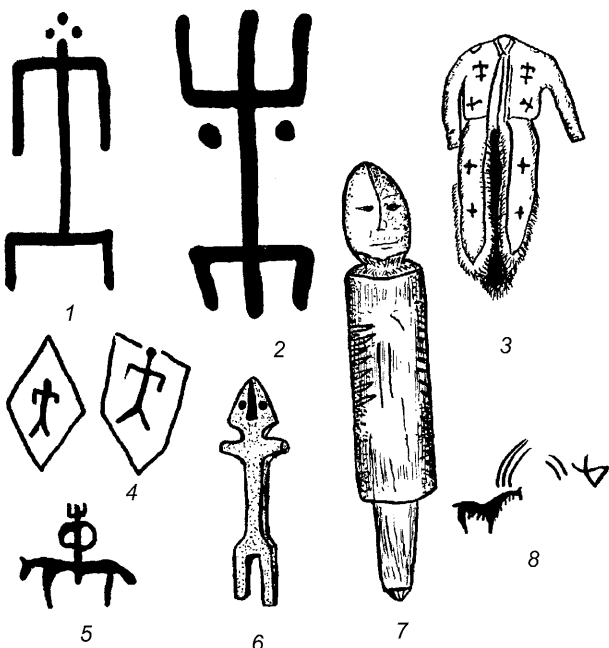

Рис. 3. Петроглифы Ангары и Забайкалья (1 – 3), рисунки на шаманской одежде (4, 5), онгоны (6, 7), сцена жертвоприношения на петроглифах Ходжикента (8).

ясов, 1999, с. 41]. Было бы очень заманчиво видеть в рассматриваемом знаке одну из исходных родовых тамг эфталитского круга. Типологически сходен с этим знаком один экземпляр в собрании из десяти тамг хакасов-качинцев, вышитых на куске ткани (Минусинский музей), где он занимает центральное место и превышает по размеру остальные [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15]. Правда, тамга развернута горизонтально, отсутствует четко выделенный верх в виде треугольного навершия осевой линии. Любопытна и, видимо, неслучайна определенная схожесть между знаком и антропоморфными фигурками (бронзовые идолчики и налестки на крупных сосудах) с явно культовой семантикой, получившими распространение в джетысарской культуре (могильники Ферганы) в последние века до нашей эры – первые века нашей эры (рис. 4, 12, 16 – 19). Это прежде всего близость позы – показаны широко расставленные ноги; а также изображение головы в островеерхом шлеме. Большая часть из них – определенно мужские фигуры с подчеркнутыми половыми признаками, некоторые изображены с луком и стрелами в руках [Левина, 1968, с. 167 – 178; 1996, с. 246 – 248].

Третий знак (см. рис. 2, 8) состоит из нескольких компонентов. Основообразующей является вертикальная Г-образная линия. Под перекладиной выбита крупная точка. С противоположной стороны в средней части вертикали горизонтально выведено ответвление в виде завитка, выполненного угловато-

ломаной линией, завернутой вверх, причем ее верхний отрезок расположен на одном уровне с перекладиной Г-образного элемента. Нижнее поле под завитком занято самостоятельным компонентом (т.к. он не соединяется с первым) в виде трезубца зубцами вниз. Семантика знака неясна. Хотя отдельные компоненты хорошо известны. Тот же трезубец встречается и как элемент сложных тамг, и как самостоятельный знак у многих кочевых народов. У тюрков Северо-Западной Монголии он считался “дворянской” или султанской тамгой [Полубояринова, 1980, с. 175], у ногайцев назывался “ханской” тамгой, у казахов Малого Жуза и у башкир – “султанской”. Трезубец входил в состав тамг ряда золотоордынских и крымских ханов [Там же, с. 174, 177]. Вполне вероятно, семантически он восходит к изображению коня или всадника. Видимо, всю композицию в целом можно трактовать как изображение коня (всадника) под штандартом.

Четвертый знак (см. рис. 2, 9) представляет собой ромбовидный завиток, выполненный угловато-ломаной линией, на Т-образной подставке (ножке), но расположенный не вертикально, а горизонтально. В центре завитка выбита точка. В целом знак тоже не имеет прямых аналогов и напоминает проторунический символ. Если же взять его общую форму – ромб на подставке, то подобные тамги встречаются в различных районах Средней Азии, в частности, как надчеканы на монетах V – VI вв. в Северном Тохаристане [Ртвеладзе, 1987, с. 122] и знаки на керамике того же периода в Чаче. Позже подобный знак известен среди тамг на золотоордынской керамике [Полубояринова, 1980, с. 189]. Схожий элемент присутствует в декоративном оформлении среднеазиатских ковровых изделий, он воспринимался как магический символ (оберег). Возможно, семантически знак восходит к изображению прорастающего зерна или рыбы.

В правом столбце верхний знак (см. рис. 2, 10) состоит из нескольких компонентов. Основообразующая вертикальная линия в верхней части отогнута под прямым углом в сторону картуша (под отгибом выбита крупная точка), внизу – в противоположную сторону, затем под прямым углом поднимается вверх до уровня середины вертикали, далее угловато-ломаной линией выполнен завиток треугольной формы. Над его верхним отрезком, но не смыкаясь с ним, располагается крупный трезубец зубцами вверх, концы которых находятся на уровне отгиба вертикальной линии. Прямые аналоги знака не известны. Семантика его тоже неясна. Наиболее близок элемент декора на среднеазиатских коврах, который воспринимается современными мастерицами как символ лебедя, но у него вместо завитка еще один трезубец (зубцами вниз).

Второй знак (см. рис. 2, 11) близок по размеру и структуре к такому же по порядку в левом столбце.

Основу его составляет вертикальная линия, пересеченная в верхней трети ломаной линией, горизонтальным уступом вниз, ниже – дугой концами вверх, в нижней трети – элементом в виде горизонтальной линии, от концов которой вертикально вниз отходят отрезки с перегибом вовнутрь фигуры в средней части. Среди довольно схожих схематических изображений человека на писаницах Ангары и Забайкалья есть фигуры с поднятыми вверх руками и странно изогнутыми ногами [Окладников, 1966, с. 102, табл. 174]. Возможно, рассматриваемый знак символизирует конного воина-лучника с закинутым за спину луком. Такой способ ношения лука традиционен для многих народов. Очень интересно в этом плане изображение одной из тамг на скалах Цаган-Гола в Монголии: в нижней его части трезубец, в верхней – схематическая фигурка человечка с луком и стрелой (см. рис. 4, 1) [Вайнберг, Новгородова, 1976, рис. 5].

Третий знак (см. рис. 2, 12) по размеру и конфигурации напоминает такой же по порядку в левом столбце. Г-образный элемент с выбитой в углу точкой развернут в сторону картуша, внизу переходит в крайний зубец трезубца, направленного вниз. От конца другого крайнего зубца угловато-ломаной линией выполнен крупный подтреугольный завиток. Над ним еще одним отрезком ломаной линии, начинающейся от основания того же зубца, как бы повторяется верхняя часть контура завитка. Семантика знака неясна. Композиционно он наиболее близок к схематическому изображению хищника семейства кошачьих в ковровом декоре. Загнутый и поднятый вверх хвост, широко раскрытая пасть – символы агрессии. Кстати, изображения льва, затем барса или тигра время от времени служили своеобразной эмблемой Ташкентского оазиса на монетах раннего средневековья и эпохи Тимуридов. Некоторая схожесть с этим знаком отмечается в трактовке образа львиноголового грифона на коврах, татуировках, кожаных аппликациях в Пазырыкских курганах Центрального Алтая [Руденко, 1960, с. 302 – 303, рис. 154]. Вообще материалы этих курганов демонстрируют тенденцию развития тамгообразных знаков от реалистичных изображений к их схематизации, когда выделялись либо общие контуры, либо какие-то главные элементы. Показательны в этом плане кожаные аппликации, среди которых наряду с реалистичными изображениями присутствуют силуэтные – жирными линиями выделены основные контуры тела, мышц (рис. 5, 1 – 6) (см. изображение рогатого тигра [Там же, рис. 154, 12]). Вместе с тем нельзя исключать и иную трактовку. Знак мог обозначать повозку-кибитку, изображения которой известны на Курыканских писаницах Забайкалья. Возможно, трезубец с Г-образным элементом – схематическая фигура лошади, подтреугольный завиток – изображение кибитки.

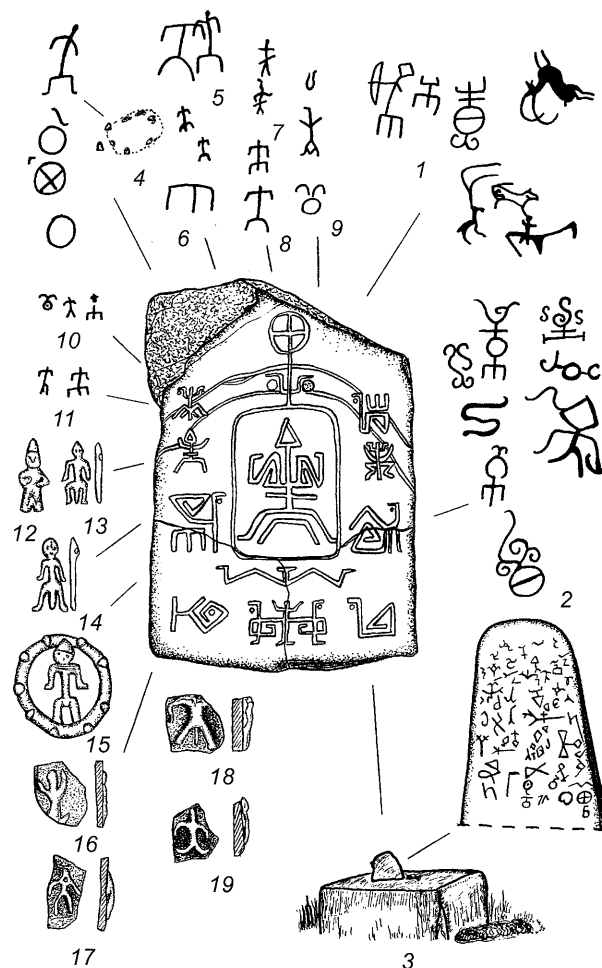

Рис. 4. Сравнительная таблица скоплений тамг и изображений.

1, 2 – фрагменты скопления тамг на скалах Цаган-Гола, Монголия; 3 – каменная стела, Шивет-Улан; 4 – рисунки на плите из курга 8 могильника близ оз. Шира, Тува; 5 – 11 – петроглифы тогарского времени, Минусинская котловина, оз. Шира, Тува; 12 – бронзовая фигурка идолчика из погребения, Карабулак, Фергана; 13 – бронзовая фигурка, г. Керчь; 14 – бронзовая фигурка, д. Айвазовское; 15 – бронзовая подвеска, могильник Камунта, Северная Осетия; 16 – 19 – антропоморфные налпы на джетысарской керамике.

Самый нижний знак (см. рис. 2, 13) выполнен одной ломаной линией: вертикаль, верхний конец которой отогнут под прямым углом в сторону среднего столбца (под отгибом выбита точка), внизу переходит в горизонталь и далее в подтреугольный завиток, завернутый вовнутрь фигуры. Этимология знака неясна. Наиболее близки элементы коврового декора, восходящие к зооморфному изображению (верблюда или птиц). Однако знак вполне мог обозначать кибитку. На петроглифах тюркского времени на горе Манхай и Шишкинских скалах есть изображения кибиток с флагом, который иногда передан довольно реалистично, иногда схематично в виде единицы или Г-образной линии (см. рис. 5, 7, 8) [Окладников, Запорожская, 1959, с. 138, рис. 63 – 65].

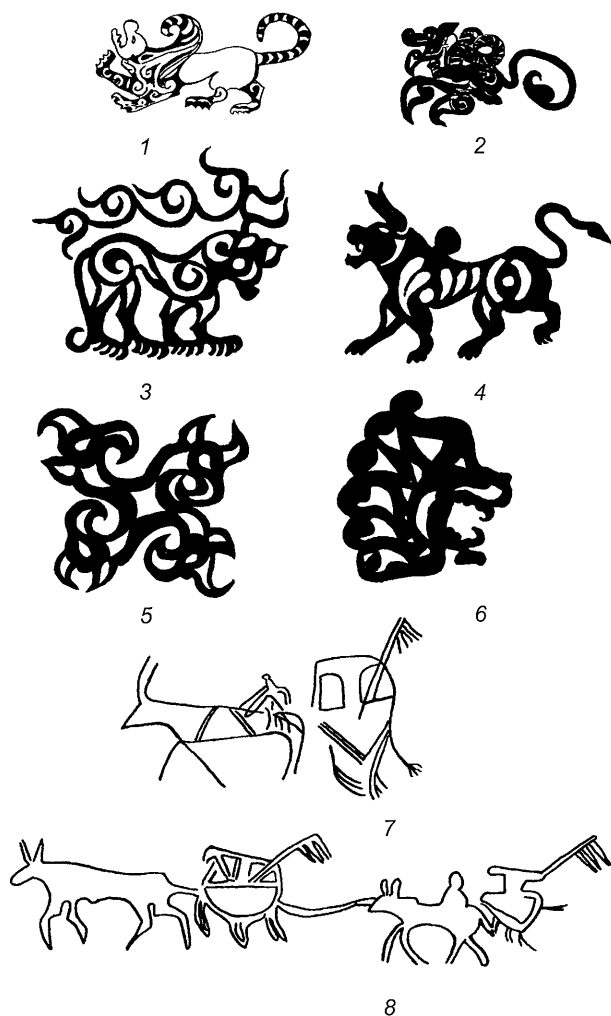

Рис. 5. Стилизованные зооморфные изображения (войлок, кожа) из Пазырыкских и Туэктинских курганов (1–6), изображения повозок-кибиток на петроглифах Забайкалья (7, 8).

Таким образом, весь облик ташкентской стелы, характер изображений, как бы выполненных в “ковровом стиле”, указывают на принадлежность к искусству кочевников. Совершенно очевидно, что все выбитые на плите граффити представляют собой тамгообразные знаки. Но одни из них показаны как бы в развитии, другие имеют вполне законченный вид, полный схематизма и условности. Ряд знаков (в частности, центральная фигура), несмотря на условность, еще сохраняют узнаваемую связь с изображаемым объектом, что приближает их к петроглифам. На наш взгляд, стела отражает процесс тамгообразования, который был растянут по времени и имел длительную традицию в кочевых обществах. Одни из них сходили с исторической арены, исчезали и связанные с ними знаки; другие – распадаясь, откочевывая в новые места, включая в свой состав иные группы кочевников, создавали новые тамги. Поэтому нет ничего необыч-

ного в том, что знаки на стеле не находят прямых аналогов либо имеют определенное сходство с какими-то тамгами, которое скорее указывает на общий исходный прототип, чем на генетическую связь. Но что любопытно, большая часть этих схожих знаков связана с Сырдарьинским регионом. Очень заманчиво было бы связывать их с первоначальным расселением эфталитов. По крайней мере, тамги – это лишь часть в цепи артефактов, свидетельствующих о движении среднесырдарьинского населения на юг и появлении каунчиноидных элементов в оазисах Согда (Самарканда, Бухары и Кашкадарьи) в III – V вв.

Вообще генезис тамг, видимо, отражал, с одной стороны, процесс формирования социальных институтов кочевников, с другой – необходимость передачи определенной информации, фиксации ее на бытовом и сакральном уровнях. На территории, заселенной различными группами кочевников, тамга указывала, что данный скот, колодец, пастбище – собственность конкретного родового коллектива. Тамги часто являлись знаками родовой принадлежности. Позже стали восприниматься как знаки личной собственности, выполнять функции печати или подписи хозяина [Курылев, 1989, с. 216].

О значении тамг кочевых народов, в т.ч. и монголов, в XIII в. писал Рашид-ад-Дин: “Благо в том, чтобы в отдельности каждому заблаговременно были определены звание, путь, имя и прозвище и чтобы у каждого был (свой) определенный знак и тамга, дабы они тем знаком и тамгой специально отмечали свои приказы, казну, табунное стадо” [1861, с. 24]. Поэтому тамги – это рудименты дописьменной традиции. Они воплощали в себе определенные понятийные комбинации. Совершенно очевидно, что первоначально тамги сближались с петроглифами, имея значение, близкое изображенному объекту. Прямой иллюстрацией этому могут служить некоторые знаки на ташкентской стеле или на каунчинской керамике и кирпичачах, и даже топонимика оазиса. Например, название населенного пункта в Аккурганском р-не Ташкентской обл. Кош-тамгалы отражает этноним одного из родовых подразделений Канглы, имевшего тамгу в виде птицы (Кош/Куш ‘птица’ + тамга + лы – суффикс множественности).

Ташкентская стела – это одна из т.н. энциклопедий тамг, которые встречаются на огромной территории от Монголии до Причерноморья. Данное понятие было предложено В.С. Драчуком для обозначения скопления в одном месте или на одном предмете трех и более тамг, нанесенных одновременно или в разное время [Драчук, 1975]. Каждая из таких “энциклопедий” по характеру размещения знаков, структуре, способу нанесения имеет свои особенности. Под этим понятием оказались объединены совершенно разно-

родные объекты, как крупные (отдельно стоящие скалы, валуны, стелы, стены склепов, строительные плиты), т.е. предполагающие общественный характер акции, так и небольшие по размерам предметы с ярко выраженным индивидуальным характером использования (котлы, уздечный набор, ножны меча, зеркало и т.д.). Потому термин “энциклопедия” считается неудачным и предлагается называть такие объекты скоплениями тамг [Яценко, 2001, с. 61]. Однако и это не отражает всей сущности явления, подчеркивая лишь количественный показатель. Возможно, более оправданным было бы определение “собрание тамг”, т.к. их концентрация явно носила неслучайный характер, все они преднамеренно наносились на одном объекте. Иногда подобные собрания знаков сопровождаются сюжетными изображениями. Наиболее знаменитыми, самыми крупными “энциклопедиями тамг” азиатских степей являются плита римского времени из Керчи (480 знаков), мраморные львы № 1 и 2 из Ольвии (соответственно 150 и 120 знаков) [Там же, с. 64]. Но прагматическая цель сосредоточения в одном месте такого большого количества тамг остается неясной. Возможно, они представляли собой следы каких-то общественных религиозных ритуалов [Там же], например связанных с погребально-поминальной обрядностью, либо религиозных акций, сопровождавшихся коллективной клятвой [Нахапетян, 1990, с. 60].

По мнению монгольского исследователя Д. Майдара, когда кочевники собирались для облавной охоты, культовых мероприятий (для этого, кстати, отводились особые места – куруки), они в числе других обсуждали и назревшие вопросы войны и мира. В память о себе (либо об участии в принятом решении) они высекали или рисовали на скалах свои тамги. Особенно много таких знаков на скале Рашаны-Хад на р. Хурха. Кстати, сама этимология этого гидронима восходит к “хурах” (“собрание”) [Майдар, 1981, с. 104].

Некоторые исследователи предполагают, что широко представленные в материалах сарматских памятников рубежа эр “энциклопедии тамг” распространились из Монголии, где они высекались на скалах и были связаны со своеобразными мини-святилищами [Яценко, 1992, с. 195]. На территории Средней Азии в настоящее время известны четыре такие “энциклопедии”. Две из них связаны с северо-западной частью Устюрта, где на стенах древнего поминального храма Байте III и на поваленном сарматами каменном (массагетском) изваянии были высечены тамги и схема Иненсимея [Там же, с. 195 – 198]. Еще одна “энциклопедия” обнаружена на скале в отрогах Нуратинского хребта. И, наконец, последняя – это ташкентская стела.

Совершенно очевидно, что все “энциклопедии тамг” относятся к кочевнической традиции. Появление такой плиты-“энциклопедии” рядом с городской

территорией или даже внутри города могло быть обычным явлением. Так, следы неоднократного нанесения тамг сохранились на строительных каменных плитах в районе главных городских ворот Ольвии, Пантикапеи, Танаиса, Калос-Лимана (Северо-Западный Крым) – греческих городов Северного Причерноморья, тесно связанных с кочевым миром и являвшихся торговыми пунктами, где в наибольшей степени сосредоточивались экономические и политические интересы сармато-аланской знати [Яценко, 2001, с. 82]. Любопытно, что “энциклопедии” в этих городах часто создавались на обработанных каменных плитах в форме параллелепипеда. Кстати, в разных “собраниях” тамги располагались по-разному. Так, в Монголии (Рашаны-Хад) они расположены бессистемно, что, видимо, отражает разновременность и стихийность их нанесения. Для каменных плит Ольвии и окрестных поселений характерно размещение знаков в один ряд, часто – через равные промежутки [Соломоник, 1959, № 59 – 61; Яценко, 2001, с. 62]. Предполагается, что зачастую тамги наносились вокруг знаков боспорских и сарматских царей и их родственников либо вокруг какого-нибудь (нередко зооморфного) изображения [Яценко, 1992, с. 197]. В Пантикапее, видимо, не случайно два крупных скопления расположены внизу надгробной стелы, в верхней их части изображена сидящая на троне женщина. В других случаях это лошадь или сюжетная композиция – лошадь и хищник [Там же, с. 62].

На ташкентской стеле знаки тоже выбиты рядами через равные промежутки (кстати, это показывает одновременность их нанесения) вокруг одного центрального. Несмотря на все присущие знаку признаки, этот ближе к петроглифам и изображает человека с поднятыми вверх руками, в островерхом шлеме и с мечом на поясе. Видимо, не являются тамгами и два верхних знака (см. рис. 2, 2, 3). Один из них изображает мировое дерево, другой – солнце, благодать которого как бы падает на тамги, окружающие центральную фигуру.

Интерпретация сюжета на ташкентской стеле неоднозначна. Совершенно очевидно, что фигура в картуше – центр композиции. Она подчеркнута статична и изображает умершего владельца (картуш в данном случае – ограниченное сакральное пространство могилы) либо его душу, устремляющуюся в небесную сферу, которую символизируют два верхних знака. Выделим здесь два аспекта. Первый – стела в целом является наглядным воплощением мифологической картины мира, имевшей строгое пространственно-временное значение. Верх – это небо, низ – земля, которая воспринимается одновременно и как поглощающее (чрево, могила), и как порождающее начало. Вертикаль мира проходит через “могилу” с изображением умершего. Поле вокруг картуша символизирует зем-

ную зону с окружающими народами, которые представлены своими тамгами. В этой связи ташкентскую стелу можно поставить в один ряд со скифскими изваяниями, которые, как подчеркивал Д.С. Раевский, воздвигались на могиле человека, чья смерть в глазах соплеменников нарушала существующий порядок и требовала действия, направленного на его восстановление. Изваяние воспринималось как заместитель умершего вождя (племени, рода), который мыслился как личностное воплощение коллектива и олицетворение (гарант) мирового порядка [Раевский, 1983, с. 56 – 57].

Любопытная параллель положению рук центрального персонажа обнаруживается в искусстве Египта. Речь идет об иероглифе Ка, изображавшем как бы плечи человека и поднятые вверх согнутые в локтях руки. Согласно “Текстам пирамид”, Ка – это душа или даже олицетворение жизненной силы богов и царей, воплощение их могущества. Позже, судя по “Текстам саркофагов” и “Книге мертвых”, обладание Ка приписывалось уже каждому человеку. В этот период Ка уже мыслилось не только как жизненная сила, но и как “второе Я”, рождающееся вместе с человеком, духовно и физически функционирующее нераздельно с ним как при жизни, так и после смерти [Рубинштейн, 1991, с. 602]. Таким образом, Ка было неразрывно связано с судьбой человека. Поэтому в гробницы помещали портретные статуи умершего, считавшиеся вместилищем его Ка. Изображали Ка в виде человека, на голове которого помещены поднятые вверх руки, согнутые в локтях [Там же].

Кстати, это не единственная параллель с некоторыми религиозными идеями Египта. Например, представление о том, что умершие, подобно египетскому Осирису, восстанут из земли и прорастут, как зерно.

Возможно, это звено одной цепи развития религиозных идей, проникших в Среднюю Азию посредством культурных контактов с Ближнего Востока и наложившихся на местные верования. Хотя мифологические представления среднеазиатских народов поры древности и раннего средневековья известны крайне фрагментарно, большая их часть реконструируется на основании историко-этнографических параллелей и экстраполяций.

Второй аспект – это то, что центральная фигура не просто изображает умершего правителя, а, скорее всего, является воплощением одной из его душ. Отсюда и параллель с египетским Ка. В зороастрийских текстах имеются два термина для обозначения души – “урван” и “фраваша”. Фраваша (фравати) после смерти человека уходит на небо, урван как-то связана с его костными остатками. Видимо, это смутные пережитки некогда широко распространенной у многих народов веры в наличие у человека двух и более душ. Схожие представления бытовали у народов Сибири

и тюрков Алтая. Одна душа бессмертная, она переходит от умершего к новорожденному и после смерти человека птичкой улетает на небо (как фравати). Вторая – тень, отправляющаяся после смерти человека в страну мертвых [Богомолов, 1999, с. 138], она связана с его костями и обитает в могиле. Многочисленные примеры подтверждают широко распространенное представление о том, что кости понимались как “минимум живого”, способный стать источником новых рождений. Кости – тот минимум, который сохраняет свойства жизни – былой и будущей. У тюркских народов это стало основой суждения, что у членов одного рода одинаковые кости [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 39 – 40].

Материалы этнографических наблюдений показывают довольно размытую, но устойчивую традицию бытования у народов Средней Азии веры в существование нескольких душ. Так, таджики долины Хуф полагали, что каждый человек получает при рождении две души – джан и рух. Первая из них в момент смерти безвозвратно покидает тело и улетает к божьему престолу, вторая некоторое время остается на земле. Почти такие же представления о жон и рух существовали у хорезмских узбеков. Причем рух в определенные дни посещают дома своих родных и могут влиять на их дела. Каракалпаки верили, что одна из душ уходит на небо, другая какое-то время остается в теле умершего и поддерживает связь с родственниками.

Видимо, ташкентская стела отражает архаические верования местного населения, в частности, их анимистические представления – о наличии нескольких душ у человека и его жизненного цикла: первый – рождение, рост и возмужание, второй – зрелость и старость, третий – смерть, четвертый – реинкарнация души в потустороннем верхнем или нижнем мире. Именно с последним, на наш взгляд, и связаны установка стелы и композиция на ней.

Вопрос датировки ташкентской стелы в связи с отсутствием какого-либо археологического контекста остается открытым. Попробуем рассмотреть его, исходя из особенностей самой стелы. Диапазон вероятной датировки из-за уникальности объекта может быть весьма широк, начиная с античности – времени сложения каунчинской культуры, для которой наряду с оседлоземледельческими характерны и кочевнические элементы. Именно в это время (рубеж эр) возникает городище Мингурюк. Кроме того, курганные группы и отдельные курганы каунчинской культуры широко разбросаны по всей территории современного Ташкента. Стела могла быть установлена на одном из курганов в окрестностях зарождающегося или уже сложившегося города. Вместе с тем нельзя исключать датировку стелы тюркским периодом, когда широко были распространены самые разнообразные тамги, маркировавшие керамику, кирпичи, монеты.

Именно среди памятников эпохи Первого Тюркского каганата встречаются антропоморфные балбалы с тамгами (Хушо-Цайдам I и III, Тоглохын-тал II и Хуль-Асхете I) [Войтов, 1996, рис. 52], в т.ч. имеющие, подобно ташкентской стеле, косой подтес верхней грани, либо они приострены или округлены, что придает изваяниям антропоморфные очертания. На одной из плоскостей (чаще всего южной) таких балбалов выбиты различные тамги. Концом VII в. датируется плита-“энциклопедия тамг” из Шивет-Улана, комплекса, посвященного Ильтерес-кагану, на одной из широких граней которой изображено свыше 60 тамг [Там же, с. 88 – 89, рис. 55], расположенных бессистемно. Ташкентская стела отличается в данном случае наличием сюжетной линии и более усложненными формами тамгообразных знаков. Кроме этой в Ташкентской обл. известна еще одна каменная стела с антропоморфным изображением – из Тойтепы. Обе они выглядят архаично и выпадают из комплекса известных каменных изваяний Южного Казахстана и Семиречья, Сибири и Алтая [Шер, 1966]. По мнению Е.М. Массона, тойтепинская стела датируется второй четвертью I тыс. н.э. [Массон, 1953, с. 27].

Наконец, ташкентская находка напоминает каменные плиточные стелы казахских погребений Западного Казахстана (Мангышлака) XVIII – XIX вв. Заметим, что в XVIII – начале XIX в. холмы Мингуюка и его окрестности почти не обживались, а использовались горожанами под сады и сезонные праздничные гуляния во время Навруза или Курбан-байрама. Поэтому стела вполне могла происходить из погребального сооружения, оставленного в этой незаселенной местности одной из кочевавших в окрестностях Ташкента групп (подобно Мазару Куйлюк-ата в другой загородной части Ташкента). На первый взгляд, наиболее привлекательна последняя версия. Действительно, по внешнему виду ташкентская стела напоминает грубую плоскостную стелу казахских могильных оградок [Аджигалиев, 1994, с. 234, рис. 12, 1 – 3]. Но, во-первых, она значительно меньше их по размерам. Во-вторых, на казахских стелах обычно выбит только один тамгообразный знак, который помещен внизу под изображением лошади или оружия либо под декоративным полем. Часто сами стелы имели форму столба-обелиска. Иногда камни подтесывались до формы, напоминающей человеческую фигуру. Вместе с тем и композиция, и знаки стелы не находят аналогов ни среди мангышлакского материала, ни среди известных родовых тамг узбекского и казахского населения XIX в. Не совпадают и стилистические особенности ташкентской стелы и каменных плит позднеказахских погребальных сооружений. Хотя, вероятно, и ташкентская находка,

и мангышлакские изваяния отражают разновременные этапы одной цепи развития некогда единых религиозно-погребальных представлений (традиции изображения умершего предка).

Обычно для каменных изваяний традиционным является метод датировки на основе анализа представленных на них атрибутов. Но в нашем случае это тамгообразные знаки. Причем практически все они не имеют прямых аналогов ни среди тамг античности и раннего средневековья, ни среди поздних тамг узбекского и казахского населения Средней Азии. Вопросы хронологии тамг, их внутренней динамики развития до сих пор не разработаны. Попытки вычленить ранние группы нередко отражают лишь позицию автора [Гергман, 1991, 1998]. Наиболее часто тамги датируются по вещи, на которую они нанесены, т.е. на базе археологических сопоставлений. Анализ композиции ташкентской стелы позволяет выделить две неравные по количеству группы знаков. Первая – знаки центрального столбца, которые по своему характеру больше являются пиктограммами и явно не утратили смысловой связи с изображаемым объектом. Верхние из них понятны (солнце, древо жизни, центральная фигура), нижние – менее ясны. Вторая группа – знаки крайних столбцов. Они, напротив, отвечают всем признакам тамги – схематичны, линейны и явно несут символическую нагрузку. Практически все знаки имеют сложную структуру, характерной особенностью является многоэлементность, в ряде случаев вертикальное развертывание знака, что резко отличает их от знаков тюркского и позднесредневекового периодов, которые обнаруживают тенденцию к дальнейшей схематизации и упрощенности.

Именно эта закономерность была подмечена Э.А. Новгородовой и положена в основу хронологического разграничения многочисленных тамгообразных знаков на петроглифах Западной Монголии. Определяющим критерием отнесения их к хуннскому периоду (III в. до н.э. – I – III вв. н.э.) она считает трехэтажность фигур (т.е. многоэлементность), наличие в структуре знака комбинаций круга с горизонтальной линией посередине, чертой под кругом и меандром внизу. Иногда круг являлся центральным элементом и имел “усы” сверху и снизу [Новгородова, 1981, с. 39]. Кстати, подобная тамга встречается на монетах Хорезма, Бухары, Чача поры раннего средневековья. Вообще тамги с полудугой, кругом с ножкой или волнистой линией внизу и с “усиками” сверху становятся ведущими в регионе с III по VI в. н.э. Большое количество тамг было получено при раскопках различных археологических памятников (городищ, поселений, курганов) этого периода в Ташкентской обл. Например, на городище Канка (Аккурганский р-н) большинство обожженных кирпичей, извлеченных из завала в процессе раскопок храмового комплекса V – VI вв. н.э., имело тамги,

среди которых выделено 44 типа. Преобладают простые знаки (круг, крест, стрела, волнистая линия, круг с ножкой и т.д.), но имеются и сложные многоэлементные. Отмечается взаимовстречаемость целого ряда тамг и на керамике, и на кирпичах. Однако, сравнивая их со знаками на ташкентской стеле, следует отметить почти полное отсутствие аналогий. Знаки на стеле значительно сложнее по своей структуре. Все это, видимо, является аргументом в пользу отнесения их к более раннему времени. Преобладание упрощенных и уменьшение доли сложносоставных знаков в общем наборе тамг связано не только с внутренней динамикой процессов тамгообразования, но и с инфильтрацией новых групп кочевников, миграцией части населения в южные районы, имевших место в III – IV вв. н.э.

В пользу ранней датировки ташкентской стелы говорит техника нанесения граффити. Знаки выполнены непрерывной желобковой линией, которая получалась в результате частых ударов металлическим чеканом. Подобная техника находит многочисленные аналогии в искусстве ранних кочевников Средней Азии [Худжаназаров, 1995, с. 54 – 55; Алпысбаев, 1956, с. 187]. Правда, ее нельзя считать решающим аргументом в датировке стелы, т.к. она встречается на памятниках сако-усуньского времени (VIII – I вв. до н.э.) и тюркского периода (VI – VIII вв. н.э.).

Слабая разработанность данного вопроса не позволяет точно хронологически дифференцировать каменные изваяния. Показателен в этом плане генезис погребально-культурных сооружений Западного Казахстана, где для каменных стел и койтасов раннего периода характерны грубо обработанные материалы со скупо декорированной поверхностью. Вообще до XII – XIII вв. наблюдается несистемная, случайная обработка плоскостей памятников, что придает им архаичный облик. Орнаментальный декор разработан слабо (чаще бордюрного характера) в отличие от каменных надгробий, стел койтасов XVIII – XIX вв. [Аджигалиев, 1994, с. 93 – 94]. Помимо способа нанесения, сам характер тамгообразных знаков на ташкентской стеле отличает их от тамг тюркского времени. Центральная фигура и типологически близкий к ней знак (см. рис. 2, 1, 7) имеют некоторое сходство с тамгой алхонов (алхоу), завоевавших Кабул и Северную Индию в конце IV – V вв. н.э. и традиционно связываемых с эфталитами [Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 189]. Отдельные знаки (см. рис. 2, 4, 9, 13) обнаруживают определенную близость к тамгам на керамике и кирпичах IV – VI вв. Среднесырдарьинского региона. Однако большая проработанность знаков на стеле позволяет считать их типологически более ранними, к III – IV вв. н.э. они начинают заменяться на упрощенные знаки. Все вышеизложенное вместе с близостью некоторых знаков к петроглифам предполагает датировку ташкентской стелы рубежом эр – первыми веками нашей эры.

Нет полной определенности и в вопросе назначения ташкентской стелы. В связи с этим отметим, что она сразу была рассчитана на фронтальное восприятие, ее задняя часть вообще не обработана. Кроме того, в отличие от многих других “энциклопедий тамг”, где знаки собирались постепенно и располагались произвольно, на стеле они выбиты одновременно, в определенном порядке, в единой композиции, с четко обозначенными верхом и низом. Причем нижние знаки заметно крупнее верхних, что предполагает вертикальное восприятие стелы. Небольшие размеры плиты, подтесанность кзади боковых граней, вероятно, указывают на то, что она куда-то вставлялась (в стену, глиняный постамент) либо устанавливалась на специальном пьедестале.

Говоря о назначении стелы, нельзя исключать ее утилитарное использование в качестве межевого знака, отмечавшего границу владения. Правда, в этом случае неясно, можно ли видеть в ее композиции пространственную схему, где верх – северное направление, низ – южное, а знаки – тамги соседей.

Более вероятно, что стела – памятный знак, установленный в честь какого-то события, которое относилось к разряду исключительных и чрезвычайно важных. Принципиальным является наличие на ней собрания тамг, выбитых одновременно и в определенном порядке, т.е. результат каких-то одновременных действий, ритуально и овеществленно закреплявших некое событие, например, заключение договора о мире и союзнических отношениях. Установка стелы в таком случае символизировала нерушимость клятвы, обязательства, которые ритуально как бы навечно запечатлялись на камне. Известно, что среди народов, исповадовавших зороастризм, клятва почиталась священной. Например, иранцы всю свою историю свято соблюдали договоры и первыми их никогда не нарушали. За этим наблюдало специальное божество – Митра, занимавшее одно из ведущих мест в зороастрийском пантеоне. Можно предполагать, что центральная фигура в картуше символизировала Митру, имя которого в переводе с авестийского означало “Договор”, “Согласие”, а в более ранней индоиранской религии это и есть собственно священная клятва, затем персонифицировавшаяся в божество клятвы и соблюдения договора. Не случайно венчает композицию солнце, чьи лучи (благодать) падают на тамги участников соглашения. Митра уже в древнейший период выступал как хранитель закона мироздания (Рта) и был связан с солнцем, которое воспринималось как его всевидящее око. Кстати, один из эпитетов Митры звучит как “выпрямитель границ”, что, вероятно, отражает “примиряющую роль Митры при спорах о границах” [Рак, 1998, с. 489]. Как гарант договора, нерушимости границ и клятв, Митра сурово карал клятвopеcтупников, защищал установленный миропорядок и, соответственно, изображался как божество-воитель

(с воинскими атрибутами). Все это вполне согласуется с данными письменных источников о древней традиции установления специальных алтарей и возжигания огней в честь заключения договора. Например, античные источники сообщают о походе полководца Селевкидов Демодама в 291 г. до н.э. за Сырдарью, где он заключил союз с местными племенами и воздвиг каменный алтарь в честь Аполлона Дедимийского. Вообще Митра как божество был весьма многосторонен, что делало его очень популярным в народных массах, которые видели в нем подателя благ, защитника и даже посредника между миром людей и миром богов. Еще один важный аспект культа Митры – его тесная связь с загробным миром, идеями воздаяния душам умерших и будущего возрождения (подобно ежегодному умиранию и возрождению природы). Видимо, в одном ряду с этим находятся изображения Митры или его символов на оссуариях. Поэтому вполне вероятно, что ташкентская стела в той или иной степени связана с погребальным культом. Она могла представлять собой жертвенник с весьма условным и схематическим изображением определенного божества (например, Митры) либо умершего знатного члена рода (точнее, его воплощением). Правда, остается неясной связь тамгообразных знаков с изображением и с самим погребальным комплексом.

Любопытна в этом плане упоминавшаяся уже каменная плита – “энциклопедия тамг” из Шивет-Улана в Западной Монголии. Этот мемориальный памятник, посвященный Ильтерес-кагану (Кутлугу), был возведен его гвардейцами после смерти кагана в 693 г. Здесь отсутствует вереница камней, но с восточной стороны каменной ограды, т.е. на месте первого балбала, на квадратной гранитной подставке была установлена плоская плита (совсем небольших размеров по сравнению с пьедесталом), на одной из широких граней которой изображено свыше 60 тамг (см. рис. 4, 3). Предполагается, что это соответствует числу вождей, поддержавших силами племенных и родовых отрядов восстание Кутлуга, и, следовательно, стела представляла собой знак почтения (верности) к умершему кагану [Войтов, 1996, с. 88].

Другой пример – тамги на стенах склепа 1872 г. в Керчи. Видимо, первый похороненный здесь мужчина играл важную роль в тогдашней политической жизни Боспора. На стенах лежанки в двух сценах изображен героизированный умерший в виде воина-катафрактария, в кольчуге, шлеме, в красном плаще и с длинным копьем в руке. Знаки были прочерчены на стенах узкого и короткого входного коридора. Справа у входа компактно расположены четыре тамги и изображения животных. На левой стене коридора первоначально была изображена охота двух собак на трех-четырёх козлов, затем поверх нее нанесли 11 тамг [Яценко, 2001, с. 68].

В Северном Причерноморье известна композиция с тамгой в центре прямоугольного картуша и четырьмя другими по его углам. По мнению С.А. Яценко, эта роспись стены склепа в Неаполе Скифском датируется II – III вв. н.э. и имеет не магическое, а чисто утилитарное назначение – имитирует висящий на стене коврик с вышитыми тамгами [Там же, с. 76], подобно куску ткани из Минусинского музея с вышитыми на нем десятью тамгами хакасов-качинцев [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15]. Как считает С.А. Яценко, знаки на стенах склепов не являлись магическими, а были памятными, указывали на участие представителей определенных родов в поминальном или похоронном обряде [Яценко, 2001, с. 81].

Любопытно, что “среди собраний тамг” из греческих городов Северного Причерноморья дополнительные зооморфные образы встречаются почти исключительно на каменных плитах – “энциклопедиях” из столицы Боспора Пантикапеи. Сюжеты этих рисунков достаточно разнообразны, но наиболее часто присутствует образ лошади. В Правобережной Украине и Крыму это в основном фигура оседланной лошади или ее голова [Там же, с. 64]. Присутствие данного образа не случайно. Лошадь – символ солнца и одно из самых популярных жертвенных животных у древних и современных кочевников (причем жертвоприношение всегда совершается только при солнечном свете: либо на рассвете, либо в течение дня), она посредник, приносящий в верхний мир чаяния и просьбы жертвователя. Кстати, лошадь – одна из ипостасей Митры. Поэтому смерть человека рассматривалась в одном ряду с заходом солнца с безусловным возрождением (восходом) в определенное время. В этой связи очень интересна одна из сцен ходжакентских петроглифов в Ташкентской обл. Здесь изображена стоящая лошадь с подстриженным хвостом, крупным стройным туловищем и длинной, по-лебединому изогнутой шеей, над которой выбиты отходящие вверх три полудуги. Симметрично им расположены две полудуги покороче. Чуть в стороне от последних выбит крупный тамгообразный знак (см. рис. 3, 8) [Алпысбаев, 1956, с. 184]. Схожие тамги встречаются на керамике, кирпичках из Чача V – VI вв. н.э. и среди знаков тюркского периода. Например, на плите-балбале из Шивет-Улана есть даже два похожих знака [Войтов, 1996, с. 89]. Видимо, ходжакентская сцена изображает жертвоприношение коня духу рода или недавно умершему соплеменнику, тем более что от живота, груди и шеи животного отходят короткие черточки, явно символизирующие стекающую кровь [Алпысбаев, 1956, с. 184]. С ташкентской стелой ходжакентские петроглифы объединяют не столько единый регион и хронологические рамки, сколько обращение к камню (сказался распространенный у кочевников культ камней, которые считались священными, связанными с небесной твердью); сочета-

ние в одной композиции схематического изображения и тамгообразного знака; наличие полудуг, символизировавших солнечные лучи или благодать; образы коня и воина как ипостаси Митры (кстати, Митра, согласно манихейской традиции, появлялся на свет из расколовшейся скалы). Самое главное, оба эти объекта принадлежат к единому идеологическому пласту, связанному с погребально-поминальной обрядностью. Причем в обоих случаях композиция – воплощение единой мифологической концепции, только на ходжакентских петроглифах заместителем умершего служила тамга, а на ташкентской стеле – мужская фигура. В этой же связи интересна композиция сарматского времени, выбитая на скале близ селения Уйташ в Дагестане. По сути, вся композиция размером 55 × 25 см состоит из двух знаков: верхний, более крупный, – трехчленный, линии которого завершаются дугами, нижний – четырехзубец, имеющий, по мнению исследователя, зооморфное происхождение (стилизация двух коней) [Марковин, 1970, с. 96].

В заключение отметим, что обнаруженная в окрестностях Мингурюка каменная плита, несмотря на отсутствие археологического контекста, представляет собой важный источник информации о кочевническом искусстве и идеологии древнего населения Ташкентского оазиса. Видимо, стела была воздвигнута на рубеже эр – в первые века нашей эры и связана с поминально-погребальной обрядностью. С одной стороны, она отражает один из этапов кочевнической традиции установки на могиле изваяния. Уникальное композиционное решение сюжета на стеле – сочетание схематически-условных изображений (солнца, древа жизни, мужской фигуры – главного персонажа с воинскими атрибутами) и окружающих их тамг – свидетельствует о поиске форм, принципов образности. Кстати, в это же время в каучинской культуре появляются изображения животных на ручках сосудов, тамгообразные знаки на посуде, керамические и металлические печати-амулеты с символическими изображениями (животных, солнца) на одной стороне и знаками на другой. Изобразительное воплощение мифологических концепций еще только начинает завоевывать позиции в каучинской культуре.

С другой стороны, стела является одним из звеньев общей традиции установки каменного изваяния (в принципе могли быть из разных материалов) на могилах прославившихся личностей или знаменитых представителей верхушки общества. Показателем давности этой традиции может служить сообщение античных авторов (Диодора Сицилийского, Ктесия) о сакском предании, согласно которому саки в память о своей правительнице Зарине насыпали огромную пирамиду трехгранной или четырехгранной формы, имевшую по основанию одной из сторон длину в три

стадии (т.е. около 470 м), с колоссальной золотой статуей на вершине. Конечно, в сказании, как во всяком эпическом произведении, размеры сооружения и статуи, скорее всего, сильно преувеличены, и в реальности это мог быть крупный курган, увенчанный статуей или стелой, может даже позолоченной [Массон, 1953, с. 27]. Для нас важен сам факт существования такой традиции еще в дотюркское время.

Список литературы

- Аджигалиев С.И.** Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 257 с.
- Алпысбаев Х.** Новые наскальные изображения Бостандыкского района // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1: Археология. – С. 182 – 188.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.** Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 160 с.
- Богомолов Г.И.** К вопросу о некоторых анимистических представлениях народов Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока. – СПб.: Европейский дом, 1999. – С. 136 – 138.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А.** Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 66 – 74.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. – 152 с.
- Драчук В.С.** Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: Наук. думка, 1975. – 176 с.
- Гертман А.Н.** Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности Южного Хорезма. – М.: Наука, 1991. – С. 227 – 286. – (Тр. ХАЭЭ; Т. 16).
- Гертман А.Н.** Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1998. – С. 136 – 150.
- Зуев Ю.А.** Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. ИИАЭ КазССР. – 1960. – Т. 8. – С. 93 – 135.
- Ильясов Д.Я.** Эфталиты-алхоны в Чаганиане // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1999. – Вып. 4. – С. 32 – 41.
- Курyleв В.П.** Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус: Каракалпакстан, 1989. – С. 210 – 222.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 175 с.
- Левина Л.М.** К вопросу об антропоморфных изображениях в джегьасарской культуре // История, археология, этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 167 – 178.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до нашей эры – I тысячелетие нашей эры. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1996. – 396 с.

- Майдар Д.** Памятники истории и культуры Монголии. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.
- Марковин В.И.** Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА. – 1970. – Вып. 124. – С. 95 – 98.
- Массон М.Е.** Ахангеран: Археолого-топографический очерк. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. – 144 с.
- Нахапетян В.Е.** Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 41 – 49.
- Новгородова Э.А.** Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: История и культура. – М.: Наука, 1981. – С. 33 – 41.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 144 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 218 с.
- Полубояринова М.Д.** Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 165 – 212.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.** Северная Бактрия – Тохаристан: Очерки истории и культуры (древность и средневековье). – Ташкент: Фан, 1990. – 218 с.
- Раевский Д.С.** Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М.: Наука, 1983. – С. 40 – 60.
- Рак В.И.** Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб.; М.: Изд-во «Журнал “Нива” – “Летний сад”», 1998. – 500 с.
- Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей: История монголов / Пер. с перс. И.Н. Березина. – СПб., 1861.
- Ртвеладзе Э.В.** Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). – Ташкент: Фан, 1987. – С. 120 – 130.
- Рубинштейн Р.И.** Ка // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 602.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Рыгдылон Э.Р.** Писаницы близ озера Шира // СА. – 1959. – Вып. 29/30. – С. 189 – 202.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
- Смирнова О.И.** Сводный каталог монет Согда: Бронза. – М.: Наука, 1981. – 546 с.
- Соломоник Э.Н.** Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Изд-во АН УССР, 1959. – 170 с.
- Худжаназаров М.** Наскальные изображения Ходжакента и Каракияса. – Самарканд: Ин-т археологии АН РУз, 1995. – 121 с.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Яценко С.А.** Плиты – энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии // Северная Евразия от древности до средневековья: Археологические изыскания: Тез. конф., посвященной 90-летию М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 195 – 198.
- Яценко С.А.** Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 2001. – 190 с.

Материал поступил в редколлегию 26.12.02 г.

УДК 903.8

А.В. Епимахов*Южно-Уральский государственный университет
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия**E-mail: eav@susu.ac.ru***ВЕРХНЕ-КИЗИЛЬСКИЙ КЛАД:
ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*****Введение**

Клады привлекают внимание исследователей в силу вполне очевидных достоинств этого вида источников. Для бронзового века Урала серия находок такого рода невелика и относится в основном к срубной культуре периода поздней бронзы (вторая – третья четверть II тыс. до н.э.)**. Во всяком случае в работе Е.Е. Кузьминой, посвященной андроновской общности, указаны только поздние среднеазиатские комплексы [1994, с. 152 – 153, 365 – 371]. На Урале (преимущественно в лесостепном Приуралье) найдено около 15 срубных кладов. Часть из них обнаружена на территории поселений или курганов [Обыденов, Обыденкова, 1992, с. 140 – 141]. Клад серпов был выявлен в Южном Зауралье при раскопках срубно-алакульского поселения Лебяжье VI***. Культурная атрибуция ряда комплексов, как и достоверность информации о одновременном обнаружении входящих в их состав артефактов, может быть подвергнута сомнению. Некоторые клады параллельно упоминаются в сводках и абашевских, и срубных памятников (Москательникова, Веселова). Тем не менее разнообразия в составе срубных кладов не наблюдается – преобладают серпы и их заготовки.

На территории Волго-Уралья к финалу среднего бронзового века (первая четверть II тыс. до н.э.) относятся памятники двух культурных групп, с которыми

специалисты связывают генезис срубной культурно-исторической общности, – абашевской и синташтинской. Истоки традиции формирования кладов могут быть обнаружены только в абашевских древностях, поскольку для синташтинских памятников такие примеры нам не известны*.

Клады Коршуновский, Верхне-Кизильский, у Долгой Горы, Москательникова, Галичский, Веселова, Морозовский (рис. 1) по устоявшейся традиции связываются с абашевской культурно-исторической общностью [Сальников, 1967, с. 40 – 46; Кузьмина О.В., 2000]. Ее уральский (баланбашский) вариант представляет самую восточную часть абашевского ареала. Абашевские древности выявлены в лесостепной зоне Среднего Поволжья и Доно-Волжском междуречье. Особое место в ряду кладов этого периода, с нашей точки зрения, занимает Верхне-Кизильский (далее ВКК), для которого достоверно установлены место, археологический контекст и состав клада, есть возможность предложить варианты интерпретации.

Значимость данного клада обусловлена, во-первых, тем, что он маркирует самую восточную границу кладов данного периода, известных сегодня; во-вторых, это едва ли не единственный клад, в котором массивные металлические орудия и оружие сочетаются с типично абашевскими украшениями и керамикой; в-третьих, он надежно увязывается с однослойным поселением. Вместе с тем памятник незаслуженно оказался на периферии исследовательского интереса в силу кажущейся очевидности ос-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (грант № 01-01-00212а).

** Здесь и далее приводится последняя серия радиокарбонных калиброванных дат.

*** Выражаю искреннюю признательность автору раскопок Л.Ю. Петровой за возможность ознакомиться с коллекцией, не введенной в научный оборот.

* С некоторой долей условности кладами могут признаваться “тайники” в крупных синташтинских могилах (см., напр.: [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996, с. 81]).